

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДМИТРИЙ
МАМИН-
СИБИРЯК

ЗОЛОТО

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
М22

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович.

М22 Золото / Дмитрий Мамин-Сибиряк. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-195229-7

Дмитрий Мамин-Сибиряк (1852–1912) — талантливый писатель, большой знаток жизни Урала и Сибири.

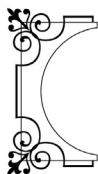
Роман «Золото» позволяет окунуться в бурный мир золотодобытчиков, понять, что означает «золотая лихорадка» и как она меняет судьбы людей. Книга сочетает в себе элементы приключенческого романа и социальной драмы, предлагая читателю широкую палитру персонажей от коренных сибиряков до приезжих искателей счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

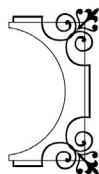
ISBN 978-5-04-195229-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Посвящается Марусе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Кишкин сильно торопился и смешно шагал своими короткими ножками. Зимнее серое утро застало его уже за Балчуговским заводом, на дороге к Фотьянке. Легкий морозец бодрил старческую кровь, а падавший мягкий снежок устилал изъезженную дорогу точно ковром. Быстроту хода много умаляли разносившиеся за зиму валенки, на которые Кишкин несколько раз поглядывал с презрением и громко говорил в назидание самому себе:

— Эх, вся кошменная музыка развалилась... да. А было времечко, Андрон, как ты с завода на Фотьянку на собственной парочке закатывал, а то верхом на иноходце. Лихо...

Это были совсем легкомысленные слова для убеленного сединами старца и его сморщенного лица, если бы не оправдывали их маленькие, любопытные, вороватые глаза, не хотевшие стариться. За маленький рост на золотых промыслах Кишкин был известен под именем Шишки, как прежде его называли только за глаза, а теперь прямо в лицо.

— Только бы застать Родьку... — думал Кишкин вслух, прибавляя ходу.

Дорога от Балчуговского завода шла сначала по берегу реки Балчуговки, а затем круто забирала на лесистый Краюхин увал, с которого открывался великолепный вид на завод, на течение Балчуговки и на окружавшие селение работы. Кишкин остановился на вершине увала и оглянулся назад, где в серой зимней мгле тонули заводские постройки. Кругом все было покрыто белой снежной пеленой, исчерченной вдоль и поперек желтыми промышленными дорожками. На Краюхином увале снежная пелена там и сям была покрыта какими-то подозрительными красновато-бурыми пятнами, точно самая земля здесь вспухла болячками: это были старательские работы. Большинство их было заброшено, как невыгодные или выработавшиеся, а около некоторых курились огоньки — эти, следовательно, находились на полном ходу.

— Ишь, подлецы, как землю-то изрыли, — проговорил вслух Кишкин, опытным глазом окидывая земляные опухли. — Тоже, называется, золото ищут... ха-ха!.. Не положил — не ищи... Золото моем, а сами голосом воем.

Кишкин подтянул опояской свою старенькую шубенку, крытую серым вытершимся сукном, и с новой быстротой засеменял с увала, точно кто его толкал в спину.

По ту сторону Краюхина увала начинались шахты: Первинка, Угловая, Шишкаревская, Подаруевская, Рублиха и Спасо-Колчеданская. Кругом шахт тянулись высокие отвалы пустой породы, кучи ржавого кварца, штабели заготовленного леса и всевозможные постройки: сараи, казармы, сторожки и целые корпуса. Из всех этих шахт работала одна Спасо-Колчеданская, над которой дымилась громадная кирпичная труба. Где-то отпыхивала невидимая паровая машина. Заброшенные шахты имели самый жалкий вид — трубы покосились, всякая постройка гнила и разваливалась. Кишкин оглянул эту египетскую работу прищуренными глазками и улыбнулся.

— Одна парадная дыра осталась... — проговорил он, направляясь к работавшей шахте. — Эй, кто есть жив человек: Родион Потапыч здесь?

Из сторожки выглянула кудластая голова, посмотрела удивленно на Кишкина и, не торопясь, ответила:

— Был, да весь вышел...

— Ах, штокб ему ни дна ни покрывки! — обругался Кишкин.

— Ступай на Фотьянку, там его застанешь, — посоветовала голова.

— Легкое место сказать: Фотьянка... Три версты надо отмерить до Фотьянки. Ах, старый черт... Не сидится ему на одном месте.

— На брезгу Родион Потапыч спускался в шахту и четыре взрыва диомидом сделал, а потом на Фотьянку ушел. Там старатели борта домывают, так он их зорит...

Кишкин достал берестяную тавлинку, сделал жесткую понюшку и еще раз оглядел шахты. Ах, много тут денежек компания закопала — тысяч триста, а то и побольше. Тепленькое местечко досталось: за триста-то тысяч и десяти фунтов золота со всех шахт не взяли. Да, веселенькая игрушка, нечего сказать... Впрочем, у денег глаз нет: закапывай, если лишних много.

Дорога от шахт опять пошла берегом Балчуговки, едва опушенной голым ивняком. По всему течению тянулись еще «казенные работы»¹ — громадные разрезы, громадные свалки, громадные запруды. Дарового труда не жалели, и вся земля на десять верст была изрыта, точно прошел какой-нибудь гигантский крот. Кишкин даже вздохнул, припомнив золотое казенное время, когда вот здесь кипела горячая работа, а он катался на собствен-

¹ Имеются в виду работы, выполнявшиеся в то время, когда прииски принадлежали казне.

ных лошадях. Теперь было все пусто кругом, как у него в карманах... Кое-где только старатели подбирали крохи, оставшиеся от казенной работы.

Сделав три версты, Кишкин почувствовал усталость. Он даже вспотел, как хорошая пристяжка. Лес точно расступался, открыв громадное снежное поле, заканчивавшееся земляным валом казенной плотины. Это и была знаменитая Фотьяновская россыпь, открытая им, Андроном Кишкиным, и давшая казне больше сотни пудов золота. Вдали пестрело на мысу селение Фотьянка. Но ему дорога была не туда, а к плотине. Сейчас за плотиной по обоим берегам Балчуговки были поставлены старательские работы. Старатели промывали борта, то есть невыработанные края россыпи, которые можно было взять только зимой, когда вода в забоях не так «долила». Наблюдал за этими работами Родион Потапыч Зыков, старейший штейгер на всех Балчуговских золотых промыслах. Он иногда и ночевал здесь, в землянке, которая была выкопана в насыпи плотины, — с этой высоты старику видно было все на целую версту. В Балчуговском заводе у старика Зыкова был собственный дом, но он почти никогда не жил в нем, предпочитая лесные избышки, землянки и балаганы.

— Эге, дома лесной черт! — обругался Кишкин, завидя синенький дымок около землянки.

Он издали узнал высокую сгорбленную фигуру Зыкова, который ходил около разведенного огонька. Старик был без шапки, в одном полушубке, запачканном желтой приисковой глиной. Окладистая седая борода покрывала всю грудь. Завидев подходившего Кишкина, старик сморщил свой громадный лоб. Над огнем в железном котелке у него варился картофель. Крохотная закопченная дымом дверь землянки была приотворена, чтобы проветрить эту кротовую нору.

— Мир на стану! — крикнул весело Кишкин, подходя к огоньку.

— Милости просим, — ответил Зыков, не особенно дружелюбно оглядывая нежданного гостя. — Куда поволочся спозаранку? Садись, так гость будешь...

— А дело есть, Родион Потапыч. И не маленькое дельце. Да... А ты тут старателей зоришь? За ними, за подлецами, только не посмотри...

— Все хороши, — угрюмо ответил Зыков. — Картошки хошь?

— В золке бы ее испечь, так она вкуснее, чем вареная.

— Ишь, лакомый какой... Привык к баловству-то, когда на казенных харчах жир нагуливал.

— Ох, не осталось этого казенного жиру ни капельки, Родион Потапыч!.. Весь тут, а дома ничего не оставил...

— Не ври. Не люблю... Рассказывай сказки-то другим, а не мне.

Кишкин как-то укоризненно посмотрел на сурового старика и поник головой. Да, хорошо ему теперь бахвалиться над ним, потому что и место имеет, и жалованье, и дом — полная чаша. Зыков молча взял деревянной спицей горячую картошку и передал ее гостю. Незавидное кушанье дома, а в лесу первый сорт: картошка так аппетитно дымилась, и Кишкин порядком-таки промялся. Облупив картошку и круто посолив, он проглотил ее почти разом. Зыков так же молча подал вторую.

— А ведь отлично у тебя здесь, Родион Потапыч, — восторгался Кишкин, оглядывая расстилавшуюся перед ним картину. — Много старателей-то?

— Десятка с три наберется...

Работы начинались саженьях в пятидесяти от землянки. Берег Балчуговки точно проржавел от разрытой

глины и песков. Работа происходила в двух ямах, в которых, пользуясь зимним временем, золотоносный пласт добывался забоем. Над каждой ямой стоял небольшой деревянный ворот, которым «выхаживали» деревянную бадью с песком или пустой породой двое «воротников» или «вертелов». Тут же откатчики наваливали добытые пески в ручные тачки и по деревянным доскам, уложенным в дорожку, свозили на лед, где стоял ряд деревянных вашгердов¹. Мужики работали на забое, у воротов и на откатке, а бабы и девки промывали пески. Издали картина была пестрая и для зимнего времени оригинальная.

— Ишь, ледяной водой моют, — заметил Кишкин тоном опытного приискового человека. — Што бы казарму поставить да тепленькой водицей промывку сделать, а то пески теперь смерзлись...

— Ничего ты не понимаешь! — оборвал его Зыков. — Первое дело, пески на второй сажени берут, а там земля талая; а второе дело — по Фотьянке пески не мясниковатые, а разрушистые... На него плесни водой — он и рассыпался, как крупа. И пески здесь крупные, чуть их сплосни... Ничего ты не понимаешь, Шишка!..

— Да ведь я к слову сказал, а ты сейчас на стену полез.

— А не болтай глупостей, особливо чего не знаешь. Ну, зачем пришел-то? Говори, а то мне некогда с тобой балясы точить...

— Есть дельце, Родион Потапыч. Слышал, поди, как толковали про казенную Кедровскую дачу?

— Ну?

— Вырешили ее вконец... Первого мая срок: всем она будет открыта. Кто хочет, тот и работает. Конечно, нужно

¹ Вашгерд (от нем. Waschhert) — небольшой станок для промывки руды, особенно золотоносной.

заявки сделать и прочее. Я сам был в горном правлении и читал бумагу.

В первое мгновение Зыков не поверил и только посмотрел удивленными глазами на Кишкина, не врет ли старая конторская крыса, но тот говорил с такой уверенностью, что сомнений не могло быть. Эта весть поразила старика, и он смущенно пробормотал:

— Как же это так... гм... А Балчуговские промысла при чем останутся?

— Балчуговские сами по себе: ведь у них площадь в пятьдесят квадратных верст. На сто лет хватит... Жирно будет, ежели бы им еще и Кедровскую дачу захватить: там четыреста тысяч десятин... А какие места: по Суходойке-реке, по Ипатихе, по Малиновке — везде золото. Все россыпи от Каленой горы пошли, значит, в ней жилы обьявляются... Там еще казенные разведки были под Маяковой сланью, на Филькиной гари, на Колпаковом поле, у Кедрового ключика. Одним словом, Палестина необъятная...

— Известно, золота в Кедровской даче неочерпаемо, а только ты опять зря болтаешь: кедровское золото мудреное — кругом болота, вода долит, а внизу камень. Надо еще взять кедровское-то золото. Не об этом речь. А дело такое, что в Кедровскую дачу кинутся промышленники из города и с Балчуговских промыслов народ будут сбивать. Теперь у нас весь народ, как в чашке каша, а тогда и расплзутся... Их только помани. Народ отпетый.

— Я-то и хотел поговорить с тобой, Родион Потапыч, — заговорил Кишкин искательным тоном. — Дело видишь в чем. Я ведь тогда на казенных ширфовках был, так одно местечко заприметил: Пронькина вышка называется. Хорошие знаки оказывались... Вот бы заявку там хлопотнуть!

— Ну?

— Так я насчет компании... Может, и ты согласишься. За этим и шел к тебе... Верное золото.

Зыков даже поднялся и посмотрел на соблазнителя уничтожающим взором.

— Да ты в уме ли, Шишка? Я пойду искать золото, чтобы сбивать народ с Балчуговских промыслов?.. Да еще с тобой?.. Ха-ха...

— Не ты, так другие пойдут... Я тебе же добра желал, Родион Потапыч. А что касается Балчуговских промыслов, так они о нас с тобой плакать не будут... Ты вот говоришь, что я ничего не понимаю, а я, может, побольше твоего-то смыслю в этом деле. Балчуговская-то дача рядом прошла с Кедровской — ну, назаявляют приисков на самой грани, да и будут скупать ваше балчуговское золото, а запишут в свои книги. Тут не разбери-бери... Вот это какое дело!

— А ведь ты верно, — уныло согласился Зыков. — Потащат наше золото старателишки. Это уж как пить дадут. Ты их только помани... Теперь за ними не уследишь днем с огнем, а тогда и подавно! Только, я думаю, — прибавил он, — врешь ты все...

— А вот увидишь, как я вру.

Наступила неловкая пауза. Котелок с картофелем был пуст. Кишкин несколько раз взглядывал на Зыкова своими рысьими глазками, точно что хотел сказать, и только жевал губами.

— Прежде-то что было, Родион Потапыч! — как-то особенно угнетенно проговорил он наконец, втягивая в себя воздух. — Иногда раздумываешься про себя, так точно во сне... Разве нынче промысла? Разве работы?

— Што старое-то вспоминать, как баба о прошлогоднем молоке.

— Нет, всегда вспомню!.. Кто Фотьяновскую россыпь открыл?.. Я... да. На полтора миллиона рублей золота в ней добыто, а вот я наг и сир...

Кишкин ударил себя кулаком в грудь, и мелкие старческие слезинки покатались у него по лицу. Это было так неожиданно, что Зыков как-то смущенно пробормотал:

— Ну, будет тебе... Эж, што вздумал вспоминать!

— Да!.. — уже со слезами в голосе повторял Кишкин. — Да... Легко это говорить: перестань!.. А никто не спросит, как мне живется... да. Может, я кулаком слезы-то вытираю, а другие радуются... Тех же горных инженеров взять: свои дома имеют, на рысаках катаются, а я вот на своих на двоих вышагиваю. А отчего, Родион Потапыч? Воровать я вовремя не умел... да.

— Было и твое дело, што тут греха таить!

— Да што было-то? Дадут три сторублевых бумажки, а сами десять тысяч украдут. Я же их и покрывал: моих рук дело... В те поры отсечь бы мне руки, да и то мало. Дурак я был... В глаза мне надо за это самое наплевать, в воде утопить, потому кругом дурак. Когда я Фотьяновскую россыпь открыл, содержание в песках полтора золотника на сто пудов, значит, с работой обошелся он казне много-много шесть гривен, а управитель Фролов по три рубля золотник ставил. Это от каждого золотника по два рубля сорок копеек за здорово живешь в карман к себе клали. А фальши-то што было... Ведь я разносил по книгам-то все расходы: где десять рабочих — писал сто, где сто кубических сажен земли вынута — писал тысячу... Жалованье я же сочинял таким служащим, каких и на свете не бывало. А Фролов мне все твердит: «Погоди, Андрон Евстратыч, поделимся потом: рука, слышь, руку моет...» Умыл он меня. Сам-то сахаром теперь поживает, а я вон в каком образе щеголяю. Только-только копейчку не подают...

— А дом где? А всякое обзаведенье? А деньги? — накинулся на него Зыков с ожесточением. — Тебе руки-

то отрубить надо было, когда ты в карты стал играть, да мадеру стал лакать, да пустяками стал заниматься... В чьем доме сейчас Ермошка-кабатчик как клоп раздулся? Ну-ка, скажи, а?..

— Было и это, — согласился Кишкин. — Тысяч с пять в карты проиграл и мадеру пил... Было. А Фролов-то по двадцати тысяч в один вечер проигрывал. Помнишь старый разрез в Выломках, его еще рекрута работали, — так мы его за новый списали, а ведь за это, говорят, голеньких сорок тысяч рубликов казна заплатила. Ревизор приехал, а мы дно раскопали да старые свалки сверху песочком посыпали — и сошло все. Положим, ревизор-то тоже уехал от нас, как мышь из ларя с мукой, — и к лапкам пристало, и к хвосту, и к усам. Эх, да что тут говорить...

— Кто старое помянет — тому глаз вон. Было, да сплыло...

II

Зыков чувствовал, что недаром Кишкин распинается перед ним и про старину болтает «неподобное», а поэтому молчал, плотно сжав губы. Крепкий старик не любил пустых разговоров.

— Ну, брат, мне некогда, — остановил он гостя, поднимаясь. — У нас сейчас смывка... Вот объездной с кружкой едет.

На правом берегу Балчуговки тянулся каменистый увал, известный под именем Ульянова кряжа. Через него змейкой вилась дорога в Балчуговскую дачу. Сейчас за Ульяновым кряжем шли тоже старательские работы. По этой дороге и ехал верхом объездной с кружкой, в которую сыпали старательское золото. Зыков растегнул свой полушубок, чтобы перепоясаться, и Кишкин заметил, что у него за ситцевой рубахой что-то отдувается.

— Это у тебя что за рубахой-то покладено, Родион Потапыч?

— А диомид... Я его по зимам на себе ношу, потому как холоду этот самый диомид не любит.

— А ежели грешным делом да того...

— Взорвет? Божья воля... Только ведь наше дело привычное. Я когда и сплю, так диомид под постель к себе кладу.

Кишкин все-таки посторонился от начиненного динамитом старика. «Этакой безголовый черт», — подумал он, глядя на отдувавшуюся пазуху.

— Так ты как насчет Пронькиной вышки скажешь? — спрашивал Кишкин, когда они от землянки пошли к старательским работам.

— Не нашего ума дело, вот и весь сказ, — сурово ответил старик, шагая по размятому грязному снегу. — Без нас найдутся охотники до твоего золота... Ступай к Ермошке.

— Ермошке будет и того, что он в моем собственном доме сейчас живет.

Приближение сурового штейгера заставило старателей подтянуться, хотя они и были вольными людьми, работавшими в свою голову.

— Эх вы, свинойрой! — ворчал Зыков, заглядывая на первую дудку. — Еще задавит кого: наотвечаешься за вас.

По горному уставу каждая шахта должна укрепляться в предупреждение несчастных случаев деревянным срубом, вроде того, какой спускают в колодцы; но зимой, когда земля мерзлая, на промыслах почти везде допускаются круглые шахты, без крепи, — это и есть «дудки». Рабочие, конечно, рискуют, но таков уж русский человек, что везде подставляет голову, только бы не сделать лишнего шага. Так было и здесь. Собственно, Зыков мог

заставить рабочих сделать крепи, но все они были такие оборванные и голодные, что даже у него рука не поднималась. Старик ограничился только ворчанием. Зимнее время на промыслах всех подтягивает: работ нет, а есть нужно, как и летом.

От забоев Зыков перешел к вашгердам и велел сделать промывку. Вашгерды были заперты на замок и, кроме того, запечатаны восковыми печатями — все это делалось в тех видах, чтобы старатели не воровали компанейского золота. Бабы кончили промывку, а мужики принялись за доводку. Продолжали работать только бабы, накачивавшие насосом воду на вашгерды. Зыков стоял и зорко следил за доводчиками, которые на деревянных шлюзах сначала споласкивали пески деревянными лопатками, а потом начали отделять пустой песок от «шлихов» небольшими щетками. Шлихи — черный песок, образовавшийся из железняка; при промывке он осаждается в «головке» вашгерда вместе с золотом.

Кишкин смотрел на оборванную кучку старателей с невольным сожалением: совсем заморился народ. Рвань какая-то, особенно бабы, которые точно сделаны были из тряпиц. У мужиков лица испитые, озлобленные. Непокрытая приисковая голь глядела из каждой прорехи. Пока Зыков был занят доводкой, Кишкин подошел к рябому старику с большим горбатым носом.

— Здорово, Турка... Аль не узнал?

Турка посмотрел на Кишкина слезившимися потухшими глазами и равнодушно пожевал сухими губами.

— Кто тебя не знает, Андрон Евстратыч... Прежде-то шапку ломали перед тобой, как перед барином. Светленько, говорю, прежде-то жил...

— Турка, ты ходил в штегерях при Фролове, когда старый разрез работали в Выломках? — спрашивал Кишкин, понижая голос.

— Запомню как будто, Андрон Евстратыч... На Фотьянке ходил в штегерях, это точно, а на старом разрезе как будто и не упомяну.

— Ну, а других помнишь, кто там работал?

— Как не помнить... И наши фотьяновские и балчуговские. Бывало дело, Андрон Евстратыч...

Старый Турка сразу повеселел, припомнив старинку, но Кишкин глазами указал ему на Зыкова: дескать, не впору язык развязываешь, старина... Старый штейгер собрал промытое золото на железную лопаточку, взвесил на руке и заметил:

— Золотник с четью будет...

Затем он ссыпал золото в железную кружку, привезенную объездным, и, обругав старателей еще раз, побрел к себе в землянку. С Кишкиным старик или забыл проститься, или не захотел.

— Сиротское ваше золото, — заметил Кишкин, когда Зыков отошел сажен десять. — Из-за хлеба на воду робите...

Все разом загалдели. Особенно волновались бабы, успевшие высчитать, что на три артели придется получить из конторы меньше двух рублей, — это на двадцатьто душ!.. По гривеннику не заработали.

— Почем в контору сдаете? — спрашивал Кишкин.

— По рублю шести гривен, Андрон Евстратыч. Обидная наша работа. На харчи не заробишь, а што одежи износим, што обуя, это уж свое. Прямо — крохи...

Объездной спешился и, свертывая сигарку из серой бумаги, болтал с рябой и курносой девкой, которая при артели стеснялась любезничать с чужим человеком, а только лукаво скалила белые зубы. Когда объездной хотел ее обнять, от забоя послышался резкий окрик:

— Ты, компанейский пес, не балуй, а то медали все оборву...

— А ты што лаешься? — огрызнулся объездной. — Чужое жалеешь...

Ругавшийся с объездным мужик в красной рубахе только что вылез из дудки. Он был в одной красной рубахе, запачканной свежей ярко-желтой глиной, и в заплатах плисовых шароварах. Сдвинутая на затылок кожаная фуражка придавала ему вызывающий вид.

— А, это ты, Матюшка... — вступился Кишкин. — Что больно сердит?

— Псов не люблю, Андрон Евстратыч... Мало стало в Балчуговском заводе девок — ну и пусть жирует с ними, а наших, фотьянских, не тронь.

— И в самом-то деле, чего привязался! — пристали бабы. — Ступай к своим балчуговским девкам: они у вас просты... Строгаль!..

— Ах вы, варнаки! — ругался объездной, усаживаясь в седле. — Плачет об вас острог-то, клейменные... Право, клейменные!.. Ужо вот я скажу в конторе, как вы дудки-то крепите.

— Скажи, а мы вот такими строгалями, как ты, и будем дудки крепить, — ответил за всех Матюшка. — Отваливай, Михай Павлыч, да кланяйся своим, как наших увидишь.

Между балчуговскими строгалями и Фотьянкой была старинная вражда, переходившая из поколения в поколение. Затем поводом к размолвке служила органическая ненависть вольных рабочих ко всякому начальству вообще, а к компании — в частности. Когда объездной уехал, Кишкин укоризненно заметил:

— Чего ты зубы-то показываешь прежде времени, Матюшка? Не больно велик в перьях-то...

— Скоро вода тронется, Андрон Евстратыч, так не больно страшно, — ответил Матюшка. — Сказывают,